

УДК 32.019.5:141.8

Г. П. Гребенник

канд. ист. наук, доц.

кафедра истории и мировой политики, Институт социальных наук,

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,

к. 37, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,

тел. (0482)68-51-60 (р.т.), (0482)33-66-70 (д.т.)

e-mail: genpetr2005@rambler. ru

ПАРАДИГМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ

В статье даются определения понятий “стиль мышления” и “основной мотив” или “парадигма” мышления. Автор формулирует задачу: определить парадигму социализма, одного из трех классических стилей политического мышления. В качестве соответствующих “кандидатов” на эту роль последовательно выдвигаются и рассматриваются “коллективизм”, “социальная справедливость”, “реальный гуманизм” и “солидарность”. По условиям задачи на роль парадигмы больше всего подходит, по мнению автора, солидарность.

Ключевые слова: стиль мышления, парадигма, коллективизм, социальная справедливость, равенство, реальный гуманизм, солидарность

Понятие “*стиль мышления*” ввел выдающийся немецкий философ и социолог Карл Манхейм (1893-1947) в работе “Консервативная мысль”. При этом он использовал аналогию с понятием стиля в истории искусства. “Я выдвигаю тезис, — писал Манхейм в указанной работе, — что человеческая мысль также развивается “стилями” и что различные школы мышления можно различать благодаря различным способам использования отдельных образцов и категорий мышления. Таким образом, должна быть возможна “локализация” анонимного текста как анонимного произведения искусства...” [1, с. 573].

Основываясь на этом положении Манхейма, можно дать следующее определение: **стиль мышления** — это проникнутая внутренним единством система взглядов, охватывающая не только политику, но и другие сферы общественного сознания — искусство, литературу, философию, историю и т. д. Судьба стиля мышления тесно связано с судьбой его носителя — той или иной социальной группы (класса, нации, этноса, партии, профессионального отряда).

Для углубления характеристики стиля мышления Манхейм ввел также понятие **основополагающего мотива** по аналогии с понятием эстетического мотива. Подхватывая мысль Манхейма, можно дать следующее определение: *основополагающий мотив есть системообразующая идея, определяющая мировоззренческую целостность данного стиля мышления как подхода к жизни.* Это — конституирующий принцип, принцип принципов, главная структурирующая ценность. Иначе говоря, основополагающий мотив — это *парадигма* стиля. Подобно шампуру, пронизывающему куски мяса и тем са-

мым образующему их единство под названием “шашлык”, парадигмальная основа стиля сплетает в стилистическое единство все *без исключения* базовые принципы данного стиля мышления. При этом сама парадигма чаще всего присутствует в идеологическом послании в непроявленном виде. Она залегает глубже других идейных компонентов стиля, в самой его сердцевине, и поэтому неочевидна. Если куски мяса плотно пригнаны, шампура не видно, но мы-то знаем, что именно благодаря шампурной шпаге шашлык не разлетается на отдельные кусочки. Вот эта непроявленность, неочевидность парадигмы стиля мышления составляет непростую задачу для теоретического исследования, поскольку “претендентов” на роль парадигмы того или иного идеологического стиля всегда больше чем один.

Данная статья представляет собой попытку разобраться по существу в том, что является основополагающим мотивом, парадигмой *социалистического стиля мышления*. Здесь проблема усугубляется тем, что слишком много противоречивых высказываний на этот счет сделано самими авторитетными теоретиками и практиками социализма — немудрено запутаться. И, наконец, тяжелейший кризис и последовавшая за ним беспрецедентная дискредитация социализма в 90-е годы истекшего столетия в связи с развалом социалистической системы, созданной Советским Союзом, поставили в повестку дня разборку и приведение в порядок всего концептуального “хозяйства” социалистической теории. Сложившуюся ситуацию выразил, в частности, известный польский марксист Адам Шафф. Он публично посетовал: “...с термином “социализм”, с понятием “социализм” начинают происходить странные вещи: вместо одного понятия социализма функционируют многие противоречащие друг другу, и невозможно установить, какое же из них аутентично” [2, с. 48].

Понятно, что социалистическое движение “поплыло”, но именно поэтому внутри него сегодня больше всего споров, позиций, сомнений. В этой связи появляется надежда, что социалисты и специалисты в области идеологических систем оценят усилия автора и включатся в разговор.

* * *

В истории социалистических учений было хоть пруд пруди, но все же при всем их многообразии социалистический стиль мышления должен быть узнаваем. Если социализм существовал на Марсе, то и его марсианская разновидность должна подпадать под определение основополагающего мотива, лежащего в основе всех без исключения социалистических учений. Автор книги “Социализм как мировое явление” (1977) И. Р. Шафаревич утверждает, что, несмотря на все трансформации социализма от эпохи к эпохе, его основные принципы остаются неизменными. И далее он пишет: “Необходимо отказаться от истолкования социализма как известной фазы в развитии человеческого общества, которая наступает, когда созревают необходимые для этого условия. Наоборот, любая точка зрения на социализм должна основываться на принципах настолько широких, чтобы они были приемлемы и к империи инков, к философии Платона, и к социа-

лизму XX века” [3, с. 255, 256, 259-260]. Трудно согласиться со многими утверждениями и особенно с заключительными выводами этого автора, но его методологию анализа социализма я вполне разделяю, поскольку такой подход дает возможность произвести отсев тех принципов, которые составляют основание если не всех, то большинства социализмов и тем самым составить представление о едином стиле социалистического мышления.

Бытует устойчивое мнение, что парадигма социализма наиболее явно себя обнаруживает в споре его представителей со своими историческими оппонентами — либералами и консерваторами. Широко распространена точка зрения, что социализм родился внутри либерализма и впоследствии отпочковался от него. В процессе борьбы со своим “родителем” социализм негативно самоопределился как антилиберализм. И если основополагающим мотивом либерализма является индивидуализм, то логика требует таковым у социализма признать *коллективизм*. Так, например, Г. Лебон (1841-1931) писал: “Социалистические доктрины в своих подробностях очень разнятся между собой, но в основных своих принципах они весьма схожи. Общие стороны заключают в себе коллективизм. <...> все они носят общий характер в стремлении прибегать к опеке государства чтобы оно распределяло богатство и сглаживало несправедливости судьбы” [4, с. 55].

Этот внешний взгляд исследователя полностью согласуется с тем, что думали о своем движении сами социалисты. Старейший и авторитетный советский специалист по социализму Ю. А. Красин в кризисные 90-е годы пересмотрел свое видение социализма в сторону бернштейнианства. Тем не менее он по-прежнему считает, что “...в отличие от либеральной концепции, выстраивающей систему ценностей вокруг индивидуального начала, социалистическая концепция ставит ценности свободы, равенства, справедливости в систему координат коллективистских отношений” [5, с. 29].

Этой же точки зрения в принципе придерживается А. Дугин. “Социализм, — пишет он, — изначально означал коллективное усилие, созидательный мобилизационный проект, служение общественному идеалу, выходящему за рамки узкой хозяйственной логики. И противопоставлялся социализм не столько капитализму, сколько социальному индивидуализму, прагматизму, абсолютизации экономического начала” [6].

Не только открытые противники социализма, защищавшие индивидуализм как основу свободы, но и его социал-демократические представители, в основном под впечатлением от советской и азиатской моделей “реального социализма”, очень часто прилагали к коллективизму определения “авторитарный”, “принудительный”, “насильственный”. Таким образом, коллективизм был немало скомпрометирован в глазах общественности.

Так или иначе, коллективизм выступает в качестве *первого кандидата* на роль основополагающего мотива социализма.

То, что социализм отталкивался от воспеваемого классическим либерализмом индивидуализма, не вызывает сомнения. Однако свою первую и главную мотивацию он черпал из другого источника. Социализм был инициирован порочной практикой раннего капитализма, злоупотреблением экономической свободой ради быстрого обогащения. Социализм рожда-

ется на свет с того момента, когда приходит ясное сознание, что в обществе сложилась система, *социальный порядок*, при котором капиталист *обязан быть* эксплуататором, а наемный рабочий *не может не быть* жертвой эксплуатации. Этот порядок воспринимается угнетенными и сочувствующими им как *социальная несправедливость*. Борьба с этим порядком и его условиями, деятельность по переделке мира в соответствии с гуманистическим идеалом социальной справедливости и образует движущую силу социалистов. Поэтому А. Дугин имел все основания утверждать: “Основной принцип социализма — социальная справедливость. <...> Государство мыслится как инструмент обеспечения социальной справедливости” [7, с. 526].

И мы, в свою очередь, отметим социальную справедливость как *кандидата номер два* на звание основополагающего мотива социалистического мышления.

Анализ понятия “социальная справедливость” приводит к выводу, что идеалу социальной справедливости более всего соответствует *социальное равенство*. Если взять базовую триаду ценностей — свобода, равенство, справедливость, то сути социализма более всего отвечает *идея равенства*, которая связывает собой две другие идеи, а именно: равенство как идея справедливости и равенство как социальный закон свободы. Именно принцип равенства известный русский экономист и теоретик социализма начала XX века М. И. Туган-Барановский (1865-1919) назвал “идейным корнем социализма нашего времени” [8, с. 272].

Социальная справедливость относится к социальному равенству как идеальная цель к практическому средству. Попытки социалистов разных эпох представить теоретический образ общества справедливости или практические действия в направлении установления имущественного равенства всякий раз обнаруживали область утопии уравнительного социализма. Эта утопия даже на бумаге не могла допустить свободы личности, требуя жестких мер тотального контроля и принудительного коллективизма. Обжегшись на требовании радикального равенства, социалисты стали осторожнее обращаться с коромыслом свобода/равенство.

Большинство социалистов сходится сегодня на том, что социальное неравенство полностью неустранимо, поэтому к социальному равенству во всем стремиться не только не нужно, но и вредно. Даже современные коммунисты не настаивают на осуществлении социального равенства без изъятия. Проблема социального равенства сводится к равенству стартовых возможностей, которое обеспечивается доступностью (бесплатностью) образования и интеллектуальных ресурсов общества (библиотек, компьютерных сетей, Интернета и прочих информационных возможностей).

Кроме того, были в истории социализма учения, которые строились на признании неравенства и выражали принцип социальной справедливости девизом: “Каждому — свое!” И вот по этой причине, по причине ограниченности или отсутствия всеобщности применения этого принципа в социалистических учениях, социальное равенство не может быть признано основополагающим мотивом социалистического мышления.

Вопрос об основополагающем мотиве исследовал также А. С. Ципко еще

до того, как совершилось его превращение из марксоведа в марксоеда. В книжке “Идея социализма” (1976) он попытался выявить *критерий социалистичности*, поскольку, писал он, “в нашей литературе до сих пор нет единого мнения, какие же идеи можно считать социалистическими” [9, с. 25]. С этой целью предприняв экскурс по работам Маркса и Энгельса, Ципко пришел к выводу, что основоположники научного социализма еще до того, как они назвали свое учение коммунизмом, предпочитали термин “*реальный гуманизм*”, понимая под ним процесс преодоления разных видов отчуждения человека, освобождения его от эксплуатации, нищеты и бесправия путем создания общества, в котором станет возможной “человеческая жизнь”, то есть жизнь свободная и обильная.

Действительно, Маркс понимал гуманизм в том же смысле, что и люди эпохи Возрождения: максимальное развитие человеческих качеств, человеческой силы как таковой, как самоцели в истории. Однако развитие промышленного капитализма прервало эту тенденцию, превратив значительную часть людей в фабричных рабов, лишив их личности и сохранив за ними лишь функцию рабочей силы. В противовес “частичному человеку” мира, в котором господствует капитал, марксистский социализм выступил с идеалом свободной, саморазвивающейся личности.

В пользу трактовки социализма как реального гуманизма в свое время серьезно высказался А. Эйнштейн. В статье “Почему социализм?” (1949) он заявил: “*Нигде мы не преодолели того, что Торстен Веблен называл “хищнической фазой” человеческого развития. <...> А так как цель социализма и состоит именно в том, чтобы преодолеть хищническую фазу человеческого развития ради более высокой, экономическая наука в ее настоящем виде не способна прояснить черты социалистического общества будущего*” [10].

А ведь хищничество, которое проявляется в натуральном виде в жестокостях рыночной конкуренции, в экономической анархии, генерирующей массовые страхи, — это и есть антигуманизм. Неподконтрольный, “свободный” рынок в начале XXI века означает только одно — дикость. Он означал дикость и в XIX веке. Поэтому от него отказались сами же либералы. В этом суть перемены взгляда на либерализм во второй половине XIX века.

Когда мы говорим о социализме как реальном гуманизме, то речь идет в первую очередь о наиболее разумном и справедливом решении вопроса о взаимоотношении личности и общества, народов и наций, общества и природы, о возможности исключения войн и других нецивилизованных форм разрешения конфликтов из жизни человечества. Далее, мы говорим о новом качестве жизни, где в ценностной шкале духовные ценности будут преобладать над материальными.

Итак, реальный гуманизм принимается *кандидатом номер три* на звание парадигмы социалистического мышления. При этом тут же нужно возразить, что можно быть “реальным гуманистом” и не иметь никакого отношения к социалистической борьбе. Скажем, во врачебной сфере или в области филантропии. Дело в том, что понятие “реальный гуманизм”

чрезвычайно широко и требует содержательного наполнения в каждый конкретный период времени. Поэтому его затруднительно использовать в качестве доминанты сугубо политического мышления.

Э. Бернштейн в своей знаменитой лекции “Возможен ли научный социализм?” (1901) дал следующее определение социализму: “Если мы хотим предостеречь себя от всякого смешения понятий, то поступим правильно, если будем выводить слово социализм не из столь неясного понятия *societas* — общество, а из несравненно более определенного *socius* — товарищ, из понятия “товарищества”. Общественным можно назвать все, что угодно, и если выводить социализм из слова общественный, то понятие социальный, социалистический может быть применено к стремлениям, которые существенно отличаются от того и несовместимы с тем, чего желают современные социалистические рабочие партии. Между тем нет ни одного требования этих партий, которое не уместилось бы в рамки понятия “товарищеский”. В этом смысле я в свое время обозначил социализм как движение к товарищескому строю, и в этом смысле я буду применять слово социализм и впредь” [11, с. 99].

Теперь оттолкнемся от подсказанного Бернштейном слова “товарищ”. Товарищами называют друг друга люди, находящиеся в одном и том же положении — товарищ по работе, товарищ по классу, товарищ по партии — в общем члены одного и того же коллектива, объединенные солидарной связью. Не случайно в большевистской партии, а затем и во всей Советской России было принято обращение “товарищ”. Это понятие нас вывело на другое ключевое слово. *Солидарность!* Вот слово, которое наполнено одновременно и моральным чувством, и социальным смыслом. Солидарность рождается из чувства принадлежности к коллективу, товарищеского плеча. Она укрепляется и становится подлинной политической добродетелью, когда осознается общность интересов: интерес моего товарища — мой интерес!

Солидарность включает в себя комбинацию состояний: сочувствие — сострадание — соучастие — содействие... Частица *со-* указывает на “другого”: от моего гуманного отношения зависит и его, и мое самочувствие. Солидарность есть деятельная форма выражения гуманизма.

Русская этимология иностранного слова “солидарность”: *соло* — один, един плюс *дар* получается дар почувствовать единство с другим(и). А вообще слово “солидарность” французского происхождения, и именно французские социологи, философы и юристы (прежде всего О. Конт, Э. Дюргейм, Л. Буржуа, Дюги и др.) на рубеже XIX-XX вв. ввели это понятие в научный и политический оборот и подвели под него солидную концептуальную базу.

Знаменитый лозунг “Манифеста” — “Пролетарии всех стран, объединяйтесь!” — нацеливал на классовую солидарность. По мере развития гуманизма солидарность раздвигает границы, выходит за пределы классовой солидарности — солидарность со своими согражданами, с другими народами и, наконец, достигает масштабов солидарности со всеми трудящимися мира, со всеми страдающими братьями по человечеству. Ведь и главный

социалистический праздник Первомай объявлен Днем солидарности трудящихся всего мира.

Современные социалисты берут на вооружение солидаристскую концепцию, которая предельно широко, поверх всех перегородок, трактует солидарность как лозунг борьбы за общечеловеческое единство. Устами А. Гера они говорят: “...социализм будущего не может пониматься лишь как формула прогресса и благосостояния для самых богатых и привилегированных наций Земли. Без понятия солидарности невозможно правдиво говорить о социализме” [2, с. 29].

Таким образом, солидарность стала *четвертым кандидатом* на роль парадигмы, основополагающего мотива социалистического стиля мышления.

Несомненно, что вместе, в своей совокупности, во взаимосвязи друг с другом они являются *основными ценностями* социализма, являются критериями “социалистичности”. Но можно ли выделить один из названных принципов в качестве критерия критериев, парадигмы (основополагающего мотива) социалистического стиля мышления? Напомним, что он должен отвечать “условию шампура”: присутствовать в непроявленном виде во всех остальных принципах.

Что ж, выстроим “кандидатов” и попытаемся логическими операциями определить, кто из них самый-самый.

Коллективизм
Социальная справедливость
Реальный гуманизм
Солидарность

Во-первых, эта четверка хорошо разбивается на две пары рядоположенных категорий: коллективизм — солидарность; социальная справедливость — реальный гуманизм. Во-вторых, коллективизм сам по себе не может быть условием социальной справедливости и реального гуманизма. Впрочем, и солидарность может быть воровской, то есть не имеющей ничего общего ни с реальным гуманизмом, ни с социальной справедливостью. Значит, и коллективизм, и солидарность нуждаются в дополнительном определении.

С другой стороны, социальная справедливость не может быть основой коллективизма, поскольку сама является предикатом коллективизма. Реальный гуманизм вполне может предполагать солидарность, но его взаимоотношения с коллективизмом, как было отмечено, неоднозначные.

Ю. А. Красин в статье “Социализм между прошлым и будущим” (2002) процитировал немецкого социал-демократа Т. Майера: “Социализм — это целенаправленный процесс. Цель определяется принципом равной свободы в условиях солидарности”. И прокомментировал: “Социализм, в таком понимании, предстает как метод исторического действия, базирующийся на приоритете коллективистской солидарности, социального контроля, общественной инициативы” [12].

Заметим, что если солидарность является условием принципа равной

свободы, то она фундаментальнее этого принципа. Ю. А. Красин употребил термин “коллективистская солидарность”. Мне представляется этот термин неудачным. А какой иначе может быть солидарность? Ведь она по самому смыслу предполагает товарищеское соучастие, которое вне коллектива проявить нельзя. А если *солидарный коллективизм*? Он, во-первых, исключает все неприемлемые для современного социализма формы коллективизма, во-вторых, предполагает гуманизм и, в-третьих, в силу все той же солидарности является условием равной свободы, лежащей в основе социальной справедливости.

Понятие общества предполагает сочетание частных усилий в общем стремлении поддерживать общественный порядок, и в этом смысле идея солидарности выступает в качестве нравственного идеала общежития. В начале XX века известный общественный деятель, философ и юрист П. И. Новгородцев критиковал “современные позитивные теории, объявляющие принцип солидарности источником всех нравственных обязанностей и общественных норм” [13, с. 104]. Ошибочность такого взгляда он видел в признании за принципом общественности самостоятельной нравственной субстанции, делающей его более важным, чем принцип личности. Следует отметить, что многие старые учения социализма и социалистическая практика в СССР грешили этим. Но этот грех объясним тем, что при этом они отталкивались от принципа личности, понимаемого в раннелиберальном духе абсолютного индивидуализма. Это признал и сам Новгородцев. Современный социализм наравне с либерализмом признает за личностью во всей полноте ее нравственных определений безусловный приоритет, цель общественного развития, что и нашло отражение в слове “свобода”, поставленном в главном лозунге западноевропейских социалистов на первое место: “Свобода, справедливость, солидарность”.

Из понятия личности выводят требования свободы и равенства как необходимые общественные условия нравственного развития личности. И из этого же понятия личности, как отмечал П. И. Новгородцев, выводится нравственная обязанность личности взаимного признания прав других людей как личностей, которая в свою очередь приводит ее, личность, к обязанности солидарности с другими на этой почве. “Безусловный принцип личности с необходимостью приводит к идее всечеловеческой, вселенской солидарности”, — заключал П. И. Новгородцев [13, с. 111]. По его мнению, именно идея свободной солидарности всех обладает наибольшим универсализмом. Это служит дополнительным подтверждением нашей мысли о солидарности как парадигме социалистического стиля мышления. Заметим при этом, что выражение “свободная солидарность” является избыточным, тавтологическим. Солидарность не может не быть свободной в силу своего определения как нравственного действия. Когда с советских трудящихся собирали обязательный взнос “в помощь бастующим шахтерам Англии”, то здесь не было факта принудительной солидарности, поскольку формализм убивал живое нравственное чувство. Нравственность не живет в тех общественно-политических акциях, которые лишены актов свободного, добровольного волеизъявления каждого отдельного человека.

В результате имелся факт не солидарности трудящихся, а политического расчета советского руководства под видом солидарности. Канта подменяли Макиавелли. Так советский социализм терял силу своего нравственного влияния на советский народ.

Литература

1. Манхейм К. Диагноз нашего времени /Пер. с нем. и англ. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.
2. Социализм будущего: Журнал политических дебатов. — 1990. — № 1.
3. Шафаревич И. Есть ли будущее у России. Публицистика. — М.: Советский писатель, 1991. — 560 с.
4. Лебон Г. Психология социализма /Пер. с франц. — СПб.: Макет, 1996. — 544 с.
5. Красин Ю. Кризис марксизма и место марксистской традиции в истории общественной мысли // Свободная мысль. — 1993. — № 1. — С. 20 — 30.
6. Дугин А. Новый социализм? Современная альтернатива “концу истории” // Независимая газета, 14 февр. 2001 г.
7. Дугин А. Г. Философия политики. — М.: Арктогея, 2004. — 616 с.
8. Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение // Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. — М.: РОССПЭН, 1996. — 528 с.
9. Ципко А. Идея социализма. Веха биографии. — М.: Молодая гвардия, 1976. — 272 с.
10. Эйнштейн А. Почему социализм? // Левая Россия: политический еженедельник, 11 сент. 2000 г.
11. Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? // Свободная мысль. — 1992. — № 16. — С. 94 — 106.
12. Красин Ю. А. Социализм между прошлым и будущим // Русский Журнал / Политика / www.russ.ru/politics/20021004-kras.html
13. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. — М.: Пресса, 1990. — 640 с.

Г. П. Гребенник

кафедра історії і світової політики, Інститут соціальних наук,
Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Французький бул., 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

ПАРАДИГМА СОЦІАЛІСТИЧНОГО СТИЛЮ МИСЛЕННЯ

У статті даються визначення понять “стиль мислення” і “основний мотив” або “парадигма” мислення. Автор формулює задачу: визначити парадигму соціалізму, одного з трьох класичних стилів політичного мислення. У якості відповідних “кандидатів” на цю роль послідовно висуваються і розглядаються “колективізм”, “соціально справедливість”, “реальний гуманізм” і “солідарність”. За умовами задачі на роль парадигми найбільше підходить, на думку автора, солідарність.

Ключові слова: стиль мислення, парадигма, колективізм, соціально справедливість, рівність, реальний гуманізм, солідарність.

G. P. Grebennik

Department of History and World Politics, Institute of Social Sciences,
Odessa National University named after I. I. Mechnikov
Frantsuzsky Boulevard, 24-26, Odessa 65058, Ukraine

PARADIGM OF SOCIALIST MODE OF THINKING

Summary

This article offers definitions of such concepts as ‘mode of thinking’ and ‘foundational motive’ or ‘paradigm’ of thinking. The task set forth by the author lies in determination of the paradigm of socialism as one of the three classic modes of political thinking. ‘Collectivism’, ‘social justice’, ‘real humanism’, and ‘solidarity’ come successively to the fore and are given careful consideration as potential “candidates” to play this role. In the author’s opinion, according to the conditions of the task, ‘solidarity’ is the most appropriate concept to appear in the role of a paradigm.

Keywords: ‘mode of thinking’, ‘paradigm’, ‘collectivism’, ‘social justice’, ‘parity’, ‘real humanism’, ‘solidarity’.